

кн. обозрение. - 1993. - 8 окт. - с. 3.

АМЕРИКАНСКИЕ филологи заметили, как возрос в последние годы в стране интерес к произведениям русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. И не только у студентов, изучающих русскую словесность, но и в читательской среде. Это увлечение тургеньевским творчеством объясняют следующим образом. Люди пережили несколько революций: техническую, сексуальную, музыкальную. Они посмотрели на изуродованную землю из космоса. Они хладнокровно раскрыли интимную жизнь даже младенцам. Они упоенно оглушили себя и издергали новыми ритмами. Однако в конце концов почувствовали странное тяготение к тому, от чего так легко и весело отказались.

К чему? К дому с садом. К душевным человеческим привязанностям. К гармоническим мелодиям. Стали искать созвучия новым чувствам в старых книгах. И открыли для себя русского художника Тургенева.

Трудно сказать, передают ли даже самые лучшие переводы и ощущают ли те, кто читает Тургенева в подлиннике, необъяснимое и, может быть, непередаваемое очарование тургеньевских описаний русских садов, пленяющую его всегда прелесть семейного гнезда и волновавшую сердце стихию любви.

Никто, пожалуй, так не воспел парки и сады. Им он посвятил много стихотворных строк.

*Прекрасен русский теплый
майский день...
Все к жизни возвращается
тревожно;
Еще жидка трепещущая
тень
Берез кудрявых; ветер
осторожно
Колышет их верхушки;
думать — лень,
А с губ согнать улыбку
невозможно...
И свежий, белый ландыш
под кустом
Стыдливо заслоняется
листом...*

О них Тургенев писал в рассказах, повестях и романах. О прадедовском черноземном саде, великом и красивом («Новь»). О бабушкином саде, старом, с полянками, зарослями, прохладой в летний зной и пением соловьев по весне («Пунин и Бабурин»). Во всех тургеньевских произведениях он играет такую роль, какую, видимо, сад в Спасском сыграл в жизни самого Тургенева. О чем он не раз признавался в письмах: «Я увидел себя совсем еще маленьким мальчиком, ...бегущим по аллеям, прячущимся среди грядок и воруящим там землянику. Вот дерево, где я убил мою первую ворону; вот место, где я нашел огромный гриб, где я был свидетелем сражения между ужом и жабой... Затем возникли воспоминания о молодом студенте, о зрелом человеке...».

И конечно, памятна многим предсмертная просьба Тургенева в письме из Франции в Россию к Я.П. Полонскому: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже вероятно никогда не увижу».

Дом, сад, семья. О них думал, писал, тосковал Тургенев, ибо, по его признанию, «нет счастья вне семьи — и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю...»

Но именно он, Тургенев, рассказал в своих романах о Елене Стаховой, оставляющей семью и родину. О Базарове, которого трудно представить семьянином и которому скучно в отеческом доме. О «перекати-поле» Рудине, слонявшемся по России и погибшем на чужой стороне за чужую свободу.

Многие поколения школьников с пиететом читали не только эти романы, но стихотворения в прозе, а среди них знаменитое «Порог». О русской девушке, готовой на страдание, на жертву, на преступление ради того, во что она сейчас верит. Разве это апофеоз дома, семьи, а не песнь о скитальце?

Однако замечаем ли мы, что помещение, перед которым стоит героиня стихотворения, названо автором не домом, а зданием, и царит в нем «угрюмая мгла». Внимательны ли к тургеньевскому тексту, в котором Чехов, например, запомнил как раз в «Рудине» пронзительные строки о доме и отдал их в «Чайке» своей героине, тоже уходя-

татель прошлого века вновь возвращался к тургеньевским произведениям, любил их автора за «возбуждающий тон», за живительное тепло нравственное чувство и еще за редкий дар, свойственный только Тургеневу.

Иван Сергеевич Тургенев, может быть, единственный, обладал способностью улавливать настроение эпохи, видеть еще незримое другим, понимать еще неясное многим. Критики и литераторы подметили это свойство таланта Тургенева. Они говорили и писали, что он выхватывает все «из тайника русской жизни». Они признавали, что именно Тургенев обращает внимание общества на то, что еще смутно брезжит в сознании со-

точило много перьев в рассуждениях о «лишних людях» Тургенева, о тургеньевских девушках, о «новом» человеке. Куда меньше исследована и признана изумительная способность Тургенева дать подмеченному, увлеченному настроению эпохи такое название, которое схватывает суть и становится важным не только для данного времени.

НЕ НАЗЫВАЯ автора, не вспоминая Тургенева, некоторые явления жизни обозначают с тех пор названиями тургеньевских произведений: «Накануне», «Отцы и дети», «Затишье», «Нахлебник», «Провинциалка», «Первая любовь», «Вешние воды», «Дворянское гнездо».

— «Лиза», а «Накануне» — «Исаров».

В даре найти эпохе точное название Тургеневу нет равных. Это не просто художественное чутье. Но склонность к самопознанию, которую Тургенев почитал необходимой в развитии народной жизни настолько же, как в жизни отдельного человека. Может быть, поэтому его так влек шекспировский Гамлет.

Для художника такое тяготение не всегда в радость, потому что уклад, привычки, привязанности, интересы диктуют порой другое. Это постоянное испытание. Так, друзья, редакторы советовали Тургеневу каждый на свой лад изменить Базарова, склоняли к уступкам общественному мнению, групповым пристрастиям. Тургенев считал, что предпочтительнее поражение во встрече с читателем, чем уступка.

Он понял, что своим романом «Отцы и дети» подлил «масла в огонь», но не раскаивался и полагал, что принес пользу, хотя большая часть молодежи негодовала на него.

Тургенев не утаивал шила в мешке, считая, что «напротив, пусть оно выйдет наружу; значит, в этом месте мешок гнил». Ощущая, что русская жизнь складывается так, он именно так ее и рисовал. Не иначе.

Но чтобы услышать, понять, различить в гуле и шуме русской жизни главное, существенное, Тургенев напряженно, как он признавался, «прислушивался и приглядывался ко всему». Ему иногда казалось, что он гонится за призраками, что перед ним проходят тени, а не сами фигуры. Он боялся, что «физиономия жизни» выйдет искаженной.

Однако нечто, что он сам называл фатумом, снимало страх. Тургенев подчинялся художественному инстинкту, удивляясь самому себе. Что-то сильное, независимое от доводов рассудка одолевало сомнения. И Тургенев чувствовал, что верно передает то, что определял шекспировским выражением «самый образ и давление времени».

Письма Тургенева открывают, как все-таки при этом он боялся «промахнуться», опоздать, каких усилий стоило ему творчество. Недаром он уподоблял его росту дерева, зимним приуготовлениям к весеннему цветению.

Не будучи фотографом действительности, он превыше всего ценил «честную простоту и свободную силу». Бывали минуты, когда он готов был поверить, что все в душе выгорело, что «пора натягивать на себя одеяло — и спать», уходить в забвение.

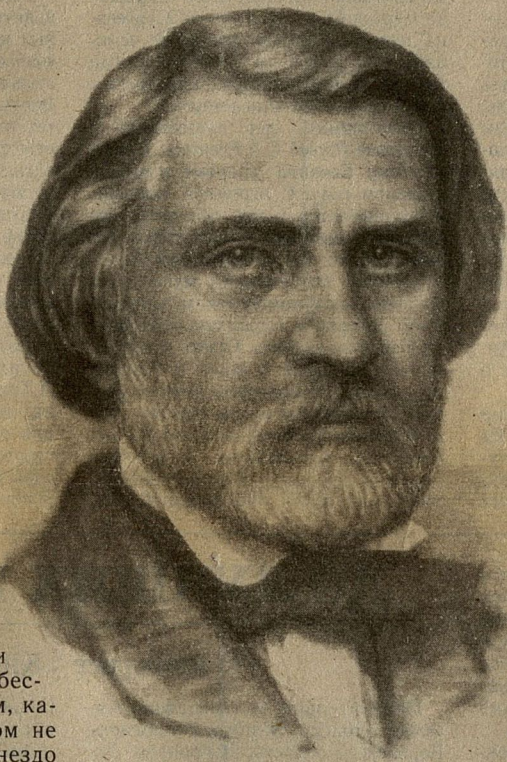
Но шли десятилетия, и новые поколения русских читателей выказывали Тургеневу свое сочувствие, свою любовь. Так было при жизни, а потом Тургенев нашел читателей далеко за пределами своего века и своего Отечества.

ОТВЕЧАЕТ ли сегодняшняя Россия признанием и сочувствием одному из лучших своих писателей? Неужели только нынешний юбилей, 175-летие со дня рождения, привлечет к нему недолгое внимание? Ведь прав, прав был Тургенев, завершая роман «Отцы и дети» задушевными строками: «Неужели любовь, святая, преданная любовь не всемогуща? Нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце не скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами; не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...»

Алевтина КУЗИЧЕВА.



ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОВИДЕНИЯ И.С.ТУРГЕНЕВА



Какими другими словами, чем теми, которые нашел Тургенев для двух своих последних романов «Новь» и «Дым», можно передать по сути ныне происходящее в России?

Каждая из этих своеобразных «вечных» формул раскрыта в тексте самого произведения, и тот, кто не поленился, кто оторвется от привычных занятий и раскроет книгу с названными произведениями, поразится тому, что все написанное относится к прошлому столетию, а не к сегодняшнему дню, когда Россия окутана «дымом» слов, когда ее «новь» обрекает на страдания, «отцы и дети» готовы к дуэли, а города и веси замерли в странном «затишье», словно «накануне» роковых событий.

Вот одна из реплик Базарова: «Прежде, в недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берут взятки, что у нас нет ни дорог, ни торговли, ни правильного суда... А потом мы догадались, что болтают все только о наших язвках, не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидели, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно от того, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопотет правительство, едва ли пойдёт нам в прок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке».

Однажды Тургенев сказал, что только настоящее, могущественно выраженное, как, например, Гете выразил его в «Фаусте», становится неумирным прошедшим. Много, запечатленное Тургеневым в русской жизни, остается непреходящим.

Тургенев не сразу находил свои замечательные названия. Поначалу «Рудин» назывался «Гениальная натура», одно из названий «Дворянского гнезда»

временников. Его называли «художественным комментатором» эпохи и цтили за «художественные провидения».

Тургенев ощущал в себе эту способность, потому что не раз говорил, как важно писателю «знать и чувствовать корни явлений», но представлять сами явления «в их расцвете или увядании».

Один из современников заметил, что Тургеневу не хватало «формального и математического ума». Другой считал, что Тургенев не способен к длительному созерцанию. Хотя все отличали его за пронзительный ум, за дар рассказчика и собеседника. Мемуары сохранили множество разговоров, размышлений Тургенева.

Он сам никогда не скрывал, что для творчества ему необходимы встречи со многими людьми, смена впечатлений, непрестанные наблюдения. Он признавался, что ему хорошо работает в путешествиях, а некоторые замыслы обдумывались в дороге. Важным источником было и чтение: «Нужно еще читать, учиться беспрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всех ее проявлениях — но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется... Нужно сквозь игру случайностей добиваться до типов...»

Что касается типов, то отечественное литературоведение от-

щей в непроглядную мглу: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!»

Помним ли мы, читатели Тургенева, что роман «Дворянское гнездо» завершается не кратким сообщением, что Лиза постриглась в монастырь, что Лаврецкий одинок. Автор заключил его эпилогом о помолодевшем калитинском доме: «Его недавно выкрашенные стены белели приветливо, и стекла раскрытых окон румянились и блестели на заходящем солнце; из этих окон неслись на улицу радостные легкие звуки звонких молодых голосов, беспрерывного смеха; весь дом, казалось, кипел жизнью... дом не поступил в чужие руки... гнездо не разорилось». И сад остался прежним.

Снова и снова повествуя об одиноких, несчастных, Тургенев не оставляет одиноком своего читателя, поддерживая неповторимой тургеньевской интонацией, задушевым авторским чувством. М.Е. Салтыков-Щедрин, человек не склонный к чувствительности, очень точно сказал о воздействии тургеньевских произведений: «После прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется... Ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается... мысленно благословляешь и любишь автора...»

НО ЧИТАЮТ ли сегодня Тургенева не в Америке, а в России?

Не в отроческие и юношеские лета, по школьной программе, а в зрелые годы? Дом, семья, сад в стране, переполненной беженцами, тревожно ожидающей новых несчастий и переворотов, становятся для многих последней, единственной защитой или мечтой.

Кто из ныне пишущих владеет даром, за который так любил Тургенева современники? Кто сегодня вопреки моде на разоблачительное, ругательное, насмешливое слово творит в литературе молитву о русском человеке, которому выпала доля жить в конце двадцатого века?

Расходясь с Тургеневым, порою вступая в спор, например, по поводу Базарова, русский чи-

Тургенев И.С.

8.10.93